

ПРОКУРАТУРА СССР
ИНСТИТУТ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ
РАБОТНИКОВ

Б. В. ВОЛЖЕНКИН

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖ, ГРАБЕЖЕЙ
И РАЗБОЕВ, СОВЕРШЕННЫХ С ЦЕЛЮ ЗАВЛАДЕНИЯ
ЛИЧНЫМ ИМУЩЕСТВОМ ГРАЖДАН

Конспект лекции

Издание 2-е, переработанное

Ленинград
1986

1425/76

ПРОКУРАТУРА СССР
ИНСТИТУТ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ
РАБОТНИКОВ

Б. В. ВОЛЖЕНКИН

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖ, ГРАБЕЖЕЙ
И РАЗБОЕВ, СОВЕРШЕННЫХ С ЦЕЛЬЮ ЗАВЛАДЕНИЯ
ЛИЧНЫМ ИМУЩЕСТВОМ ГРАЖДАН

Конспект лекции

Издание 2-е, переработанное

Ленинград
1986

Рецензенты:

профессор Института повышения квалификации руководящих кадров Прокуратуры СССР **Ю. П. Касаткин;**

прокурор отдела по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел Прокуратуры СССР ст. советник юстиции **М. В. Бурмистров.**

Волженкин Б. В. Вопросы квалификации краж, грабежей и разбоев, совершенных с целью завладения личным имуществом граждан./Конспект лекции. Изд. 2-е, переработанное.— Л., 1986, 44 с.

В конспекте лекции рассматриваются наиболее трудные вопросы квалификации краж, грабежей и разбоев с целью завладения личным имуществом граждан. Проанализированы критерии разграничения преступлений против личной собственности друг от друга и от смежных преступлений. Широко используются в лекции примеры из опубликованной следственной и судебной практики.

Конспект лекции предназначен для слушателей Института усовершенствования следственных работников и выходит вторым изданием.

ПЛАН ЛЕКЦИИ

1. Личная собственность граждан как объект преступного посягательства.

2. Предмет посягательства при совершении краж, грабежей и разбоев с целью завладения личным имуществом граждан.

3. Особенности объективной стороны различных видов похищений личного имущества.

3.1. Кража; отграничение от мошенничества и грабежа.

~~3.2. Насильственный грабеж, отграничение от разбоя.~~

~~3.3. Разбой, отграничение от вымогательства и бандитизма.~~

3.4. Момент окончания преступлений против личной собственности.

3.5. Перерастание кражи в грабеж или разбой.

4. Субъективная сторона похищений личного имущества и ее значение для отграничения от смежных преступлений.

5. Некоторые квалифицирующие признаки преступлений против личной собственности.

5.1. Совершение преступления по предварительному сговору группой лиц;

5.2. Кража, грабеж и разбой, совершенные с проникновением в жилище.

5.3. Причинение значительного ущерба потерпевшему при краже и грабеже.

5.4. Применение оружия и других предметов, используемых в качестве оружия, при разбое. -

1. ЛИЧНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ГРАЖДАН КАК ОБЪЕКТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

Конституция СССР закрепляет за гражданами право личной собственности. В ст. 13 Конституции СССР говорится: «Основу личной собственности граждан СССР составляют трудовые доходы. В личной собственности могут находиться предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения. Личная собственность граждан и право ее наследования охраняются государством».

Содержанием права личной собственности являются предоставленная гражданину законом возможность владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом (однако не для извлечения нетрудовых доходов и не в ущерб интересам общества) и соответственно обязанность всех других лиц не нарушать правомочия собственника. Совершение преступления против личной собственности граждан как раз и есть посягательство на эту обеспеченную законом возможность собственника владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом.

В связи с понятием личной собственности как объекта преступных посягательств остановимся специально на таких вопросах, как квалификация похищений имущества, находившегося в собственности объединений, не являющихся социалистическими организациями, квалификация случаев хищений имущества, взятого государством под материальную ответственность, и некоторых других, возникающих в следственно-судебной практике.

В последние годы определенное распространение получили кражи из церквей икон и других предметов. Решая вопрос об их квалификации, следует иметь в виду положения декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Согласно этим документам, государственным имуществом признаются молитвенное здание и культовое

имущество, в том числе и полученное в качестве пожертвований от прихожан и приобретенное на пожертвованные ими средства (все предметы из драгоценных металлов и камней, предметы, имеющие историческое, художественное и музейное значение, иконы, облачения, хоругви и т. п.).

Напротив, не включаются в состав социалистической собственности ладан, свечи, лампадное масло, вино для причастия и другие предметы, приобретенные церковным объединением для выполнения религиозных обрядов, денежные средства, складывающиеся из пожертвований верующих, предназначенные для оплаты священнослужителей и поддержания в надлежащем состоянии церковного помещения и оборудования. При похищении такого имущества как собственности объединений, не являющихся социалистическими организациями, действия виновного со ссылками на ст. 151 УК РСФСР и соответствующую статью закона другой союзной республики квалифицируются и наказываются по статьям о преступлениях против личной собственности.

Так же следует квалифицировать похищение имущества юридических лиц и объединений капиталистических государств. Однако довольно часто государство принимает на себя материальную ответственность за сохранность имущества какой-либо фирмы капиталистического государства (например, имущество, привезенное на выставку). Поэтому преступник, похитивший подобное имущество, объективно причиняет ущерб отношениям социалистической собственности.

Аналогичная ситуация возникает и при похищении личного имущества, взятого государством под материальную ответственность и находящегося на ответственном хранении в социалистической организации (гостинице, общежитии, почте, камерах хранения, сберкассе и т. д.) или принятого к перевозке.¹ Поэтому при похищении такого имущества

¹ В п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1980 г. «О практике применения судами РСФСР законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» говорится: «В связи с тем, что принятые к перевозке грузы и багаж находятся в ведении и под охраной транспортных предприятий и организаций, которые несут перед собственником ответственность за их сохранность, похищение этих товарно-материальных ценностей должно рассматриваться как хищение государственного имущества» (Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР, М., 1984, с. 348). Аналогичное разъяснение содержится в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 сентября 1981 г. «О практике применения судами законодательства Украинской ССР по делам о хищениях государственного и общественно имущества».

возникает вопрос: совершено преступление против личной или против социалистической собственности.

Принципиальные положения по этому вопросу были сформулированы в определении Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Вильчинского. Последний нашел в вагоне поезда три аккредитива с контрольными листами, утерянные Горожанкиным. Решив воспользоваться ими, Вильчинский, обманным путем получил из своей воинской части два незаполненных бланка доверенностей с гербовой печатью и подписью должностного лица, подделал их от имени Горожанкина и таким образом получил в сберкассе 1500 рублей. В определении Военной коллегии по этому делу отмечено: «...при юридической оценке мошеннического получения денег по утерянному аккредитиву, равно как и при квалификации иного способа противоправного завладения личным имуществом граждан, находившимся на хранении у государства, весьма важное значение имеет содержание субъективной стороны содеянного: если виновный сознавал, что материальную ответственность перед собственником аккредитива будет нести государство, то его действия, по общему правилу, надлежит квалифицировать как хищение государственного имущества; если же его сознанием охватывалось наличие обстоятельств, которые исключают ответственность государства, то он в соответствии с направленностью умысла должен нести ответственность за посягательство на личную собственность. Когда же виновный, не зная условий ответственности сберегательной кассы перед собственником аккредитива, допускал как свою личную ответственность, так и ответственность государства, то квалификация его действий должна определяться в соответствии с фактически наступившими последствиями» (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1973, № 1, с. 31; см. также Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1979, № 10, с. 3).

Таким образом, при квалификации похищения имущества юридического лица или объединения капиталистического государства, а также личного имущества, находившегося в помещении, на территории или в ведении социалистической организации, должны быть установлены два обстоятельства: 1) обстоятельство объективного характера — несет ли социалистическая организация материальную ответственность перед собственником за данное имущество; 2) обстоятельство субъективного характера — осознавал ли преступник, похищая имущество, наличие материальной ответственности госу-

дарства за его сохранность и причинение тем самым ущерба отношениям социалистической собственности. При положительном ответе на оба эти вопроса виновный привлекается к ответственности по соответствующим статьям о преступлениях против социалистической собственности.¹

Если виновный не осознавал наличие материальной ответственности государства за похищаемое им имущество или, напротив, ошибочно полагал наличие такой ответственности, то вопрос о квалификации содеянного решается по общим правилам квалификации в случае ошибки в объекте преступления. Подобная ошибка имеет место, когда виновный намеревался посягнуть на определенный объект, нарушить определенные общественные отношения, а фактически, вследствие допущенной ошибки, нарушил другие охраняемые законом общественные отношения. Например, вор украл из сумки незнакомой ему гражданки деньги, будучи абсолютно уверенным, что он крадет личное имущество, т. е. совершает преступление против личной собственности граждан. Однако оказалось, что потерпевшая — кассир профсоюзной организации и украденные у нее деньги — это собственность общественной организации и, следовательно, фактически ущерб был причинен отношениям социалистической собственности. Допущенная виновным ошибка должна быть учтена и отразиться на квалификации содеянного.

С учетом направленности умысла по данному примеру преступник должен отвечать за покушение на кражу личного имущества. Именно за покушение, так как фактически личное имущество не похищено и ущерб общественным отношениям личной собственности не причинен.

Иногда преступник, похищая имущество, не знает определенно, социалистическое оно или личное, несет ли социалистическая организация материальную ответственность за сохранность этого личного имущества. Однако при этом он, желая похитить данное имущество, альтернативно допускает совершение преступления как против социалистической, так

¹ Именно такое решение содержится в п. 5 «е» постановления Пленума Верховного Суда БССР от 5 июня 1985 г. «О судебной практике по делам о похищениях личного имущества **граждан**»: «Похищение личного имущества, находящегося в ведении государственной или общественной организации, которая несет материальную ответственность за сохранность этого имущества, если виновный сознает это, представляет собой посягательство на социалистическую **собственность**».

и против личной собственности. В подобных случаях квалификация зависит от фактически наступивших последствий.

Особо следует остановиться на вопросе о квалификации похищения личного имущества из комнат общежития, номеров гостиницы, палат санатория, дома отдыха, пансионата. Согласно ст. 429 ГК РСФСР, гостиницы, санатории, дома отдыха, общежития и другие подобные организации отвечают за утрату или повреждение имущества граждан, находящегося в отведенных им помещениях, хотя бы это имущество, кроме денег и драгоценностей, не было сдано на хранение этим организациям. Данное положение конкретизируется в ряде подзаконных актов. Так, в соответствии с Типовыми правилами внутреннего распорядка в студенческих общежитиях высших учебных заведений Министерства высшего и среднего специального образования СССР, утвержденными 25 декабря 1967 г., проживающие в общежитии обязаны сдавать в камеру хранения личные вещи, ящики, чемоданы и другие предметы, которые не требуются повседневно. За не сданные на хранение вещи администрация ответственности не несет.

Похищение личного имущества из номеров и комнат гостиниц, общежитий и других подобных организаций квалифицируется как преступление против личной собственности граждан, если оно совершено лицами, на законном основании присутствующими в месте нахождения вещей (постояльцами друг у друга, их гостями и т. д.), лицами, проживающими в гостинице или общежитии, а также прошедшими в эти помещения на законном основании (по приглашению, пропуску и т. п.), путем свободного доступа в не запертую хозяином комнату (номер). В подобных случаях вина администрации общежития, гостиницы отсутствует и социалистическая организация не будет нести материальную ответственность перед собственником вещи. Однако если крало совершена посторонним лицом, незаконно проникшим в общежитие (гостиницу), или лицом, похитившим у вахтера (дежурного, портье) ключ, сданный владельцем комнаты, или путем взлома дверей в чужую комнату, содеянное должно квалифицироваться как преступление против социалистической собственности, так как организация ответственна в подобных случаях перед владельцем похищенных вещей, что осознается и преступником.

2. ПРЕДМЕТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПРИ СОВЕРШЕНИИ КРАЖ,
ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЕВ С ЦЕЛЬЮ ЗАВЛАДЕНИЯ
ЛИЧНЫМ ИМУЩЕСТВОМ ГРАЖДАН

Рассматриваемые преступления против личной собственности совершаются путем похищения личного имущества, являющегося предметом посягательства. Не касаясь всех вопросов, возникающих в связи с понятием личного имущества как предмета посягательства, остановимся только на тех, которые вызывают определенные трудности в следственно-судебной практике при квалификации преступлений.

Один из них — вопрос о квалификации похищений именных ценных бумаг и так называемых легитимационных знаков с последующим получением по ним денег или другого имущества.

В гражданско-правовой литературе ценная бумага определяется как документ, предъявление которого необходимо для реализации заключающегося в нем имущественного права. Иначе говоря, ценная бумага воплощает имущественное право, является эквивалентом стоимости. Поэтому ценные бумаги на предъявителя (например, облигации государственных займов, платежные документы в рублях, приобретаемые за иностранную валюту, талоны рыночного фонда на бензин и т. п.), несомненно, являются предметом посягательства при совершении преступлений против личной собственности граждан и похищение их квалифицируется как оконченное преступление. Согласно положениям, сформулированным в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 декабря 1980 г. «О практике применения судами РСФСР законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте», ценными бумагами следует также признавать абонементные книжки, проездные и единые билеты на право проезда в метро и на других видах городского транспорта, находящиеся в обращении как документы, удостоверяющие оплату транспортных услуг (см.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР 1961—1983, М., 1984, с. 349). Потерпевший, у которого похищена ценная бумага на предъявителя, несет реальный ущерб, так как вместе с ней он утрачивает и воплощенное в ней имущественное благо.

Этого не происходит при похищении именных ценных бумаг и денежных документов (аккредитива, сберегательной книжки, квитанции ломбарда и др.) и так называемых легитимационных знаков (номерок гардероба, жетон камеры хра-

нения и др.), которые не имеют самостоятельной материальной ценности, а лишь удостоверяют право владельца на получение имущества.

Завладев легитимационным знаком или именным денежным документом, преступник пока еще сам реально не обогатился и ущерба собственнику имущества не причинил, тем более, что у последнего имеются и иные возможности обосновать свое право на получение имущества. Завладение чужим имуществом произойдет тогда, когда субъект воспользуется похищенным или найденным знаком или документом и получит это имущество. В таком случае, предъявляя похищенные или найденные номерок, квитанцию, аккредитив с целью завладения имуществом, субъект с их помощью вводит в заблуждение лиц (организации), которым это имущество вверено, утверждая таким образом, что он является законным собственником или владельцем имущества или уполномочен ими на получение имущества, т. е. совершает мошенничество. Представляется поэтому, что похищение легитимационного знака или именной ценной бумаги — это само по себе лишь приготовление к последующему завладению личным или социалистическим имуществом (в зависимости от рассмотренных выше обстоятельств) путем мошенничества.

Как приготовление к краже следует квалифицировать похищение ключей для проникновения в квартиру или какое-либо хранилище ценностей. Конечно, сам по себе ключ обладает стоимостью и может рассматриваться как предмет кражи. Но в анализируемых случаях похищение ключа лишь этап для последующего похищения ценностей, приготовление к этому похищению.

3. ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ПОХИЩЕНИЙ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА

3.1. Кража; отграничение от мошенничества и грабежа

Кража определяется законом как тайное похищение личного имущества граждан. Термином «похищение» обозначается такой способ завладения чужим имуществом, когда субъект изымает имущество из владения собственника или иного лица, делая это вопреки его воле и без его согласия, тайно (кража) или открыто (грабеж). Таким образом, похищение при краже — это тайный «противоправный захват иму-

щества, выведение его из обладания владельца, осуществленное против или помимо его воли».¹

Именно данная особенность объективной стороны кражи и грабежа позволяет отличить их от мошенничества. При мошенничестве элемент похищения отсутствует. Здесь сам потерпевший, собственник или владелец вещи, вследствие обмана или использования преступником его доверия, выводит имущество из своего владения, передает его преступнику, предоставляя последнему в отношении данного имущества правомочия владения, пользования, управления и даже распоряжения, если имущество передается в собственность.

Следует особо подчеркнуть, что при мошенничестве обман или злоупотребление доверием являются средствами именно завладения имуществом с приобретением в отношении этого имущества соответствующих правомочий, а не получения лишь доступа к имуществу, проникновения в помещение, хранилище. Поэтому нельзя признавать завладением имущества путем мошенничества случаи, когда преступник с помощью обмана (например, под видом слесаря-сантехника, электромонтера и т. п.) проникает в квартиру и тайно, воспользовавшись доверием владельцев квартиры, похищает оттуда какие-нибудь ценности или путем обмана завладевает лишь ключами от квартиры, а изъятие оттуда ценностей производит вопреки воле собственника.

Встречаются случаи, когда преступник, пользуясь доверием потерпевшего, фактически получает имущество в свои руки, становится его «держателем» (например, получил имущество для осмотра или для примерки, взялся поднести вещи потерпевшего или присмотреть за ними, если потерпевший ненадолго отлучился и т. п.). При этом можно утверждать, что имущество остается во владении потерпевшего, никакими правомочиями в отношении этого имущества преступник не наделялся и поэтому обращение им данного имущества в свою собственность является в зависимости от обстоятельств происшедшего тайным или открытым похищением, а не мошенничеством.

Рассмотрим еще одну ситуацию, где преступник несомненно пользуется обманом, однако содеянное является все же кражей, а не мошенничеством. Преступник берет у потерпевшего какую-либо ценную вещь, например, для осмотра,

¹ Владимир В. А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974, с. 30.

а затем незаметно подменяет ее схожей, но малоценной. Другой пример того же рода: незаметный для потерпевшего подмен облигации или лотерейного билета, на которые выпал выигрыш. В этих и подобных ситуациях признаки мошенничества отсутствуют, так как здесь потерпевший не передавал имущество под влиянием обмана во владение преступнику, обман лишь скрывает тайное похищение имущества, но не служит средством завладения.

Напротив, если преступник, приобретая имущество у собственника или у иного лица, уполномоченного на распоряжение вещью, при помощи денежной «куклы» или иным путем обманывает последнего, вводит его в заблуждение, что стоимость вещи оплачена, и тот передает ее виновному, содеянное является мошенничеством. Аналогично, если субъект, якобы продающий вещь, получив за нее деньги, передает потерпевшему иную вещь, значительно меньшей стоимости, или предмет, вообще не имеющий никакой ценности, он совершает мошенничество.

Похищение чужого имущества считается кражей, если оно было тайным. Это существенный признак кражи, позволяющий отграничить ее от грабежа — открытого похищения.

В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. с изменениями от 23 декабря 1970 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» разъяснено, что открытым «является такое похищение, которое совершается в присутствии потерпевшего, лиц, в ведении или под охраной которых находится имущество, либо в присутствии посторонних, когда виновный сознает, что эти лица понимают характер его преступных действий, но игнорирует данное обстоятельство».

Таким образом, похищение будет являться тайным, если оно совершается: 1) в отсутствие потерпевшего, лиц, в ведении или под охраной которых находится имущество, окружающих посторонних лиц или 2) совершается в присутствии кого-либо из этих лиц, но виновный полагает, что они не видят факта изъятия имущества или не осознают его противоправный характер.

Особо следует разобрать вторую из названных ситуаций. Виновный крадет вещь непосредственно у потерпевшего, в присутствии большого числа окружающих посторонних лиц (например, карманный вор), но рассчитывает, что ни потерпевший, ни окружающие не видят факта похищения имущества. При этом вполне возможна ошибка с его стороны в спо-

собе совершения преступления, так как кто-либо из окружающих мог видеть эти действия и понимать их противоправный характер, т. е. фактически похищение было не тайным, а открытым. Однако поскольку умысел преступника был направлен на совершение тайного похищения, содеянное должно квалифицироваться как покушение на кражу или оконченная кража, в зависимости от того, удалось ли преступнику осуществить свое намерение.

Не исключено в ряде случаев установление альтернативного умысла преступника на совершение как тайного, так и открытого похищения. Преступник, желая завладеть имуществом, подчас допускает, что его действия могут быть замечены или их противоправный характер понят потерпевшим или другими лицами. В подобных случаях преступление квалифицируется как кража или грабеж в зависимости от фактически происшедшего.

Иногда преступник похищает имущество в присутствии других людей, которые ошибочно полагают, что действия виновного правомерны, на что последний и рассчитывает (например, на глазах прохожих выносит из дома вещи и грузит их на машину). С учетом изложенного содеянное следует считать тайным похищением.

Пример. Народным судом Черкаев был осужден за грабеж, совершенный при следующих обстоятельствах. Авилов оставил в зале ожидания вокзала свою четырехлетнюю дочь и чемодан с вещами на сумму 120 руб., а сам пошел купить билет. Во время его отсутствия к чемодану подошел Черкаев и на виду у пассажиров похитил чемодан. Президиум областного суда, рассмотрев протест заместителя Председателя Верховного Суда РСФСР, признал осуждение за грабеж неправильным. Из материалов дела видно, что Черкаев похитил чемодан тайно, взял его под видом собственного, потерпевший в это время отсутствовал, а свидетельница Еременко и малолетняя дочь потерпевшего, видевшие факты изъятия чемодана, не сознавали, что это хищение (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1978, № 1, с. 8).

Напротив, Военная коллегия Верховного Суда СССР признала наличие открытого похищения — грабежа в действиях Бекрина, который зашел в квартиру Тяпкина, где в присутствии его шестилетнего сына Саши похитил деньги и вещи на общую сумму 172 руб. 75 коп. Мальчик показал, что хотя Бекрин и заставлял его закрыть глаза, но он стоял рядом и видел, как злоумышленник брал деньги и вещи его родите-

лей, и, поскольку тот взял их без разрешения, он считал, что виновный эти ценности ворует. Бекрин также подтвердил, что он понимал, что совершает открытое хищение личного имущества и допускал, что мальчик тоже понимает это, так как наблюдал за его действиями. Военная коллегия признала несостоятельным довод, что мальчик не понимал противоправного характера действий Бекрина в том объеме, как этого требует уголовный закон, поскольку ст. 145 УК РСФСР не устанавливает объема осведомленности присутствующего при грабеже лица о характере намерений и действий преступника (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1974, № 6, с. 16).

В связи с вопросом о разграничении кражи и грабежа интерес представляет дело по обвинению Кабашова и Карпенко. Последние пьянствовали вместе со своими знакомыми Кузиным и Тетюником, а затем, купив вино, вчетвером расположились пить его на перроне вокзала. Здесь же в сильной степени опьянения спал Ткалин. Увидев на руке Ткалина часы, Кабанов предложил снять их. Карпенко согласился. Подойдя к Ткалину, он сел рядом с ним, а Кабашов с другой стороны, загородив спиной руку с часами. Сняв часы, Карпенко отдал их Кабашову.

Народный суд, квалифицируя эти действия как грабеж, указал, что часы были сняты с руки спавшего потерпевшего в присутствии Тетюника и Кузина, а также киоскеров на вокзале. Однако киоскеры показали, что они видели парней, возившихся около пьяного, но самой кражи часов не заметили. Кузин и Тетюник действительно знали и видели, как совершается похищение часов. Однако их в данном случае нельзя считать посторонними лицами, изъятие имущества в присутствии которых превращает похищение в открытое. Как правильно подчеркнул президиум Ростовского областного суда в постановлении по этому делу, «под посторонними, в присутствии которых совершается открытое похищение, следует понимать не всех присутствующих при краже граждан, а лишь тех лиц, которые понимали характер преступных действий виновного и, по его мнению, могли воспрепятствовать краже». Тетюник и Кузин целый день находились вместе с Кабашовым и Карпенко, вместе гуляли, пили спиртные напитки, видя кражу, не препятствовали ей. На это и рассчитывали Кабашов и Карпенко, которые в данной сложившейся обстановке не считали их посторонними (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1967, № 1, с. 14; см. также: Социалистическая законность, 1982, № 11, с. 76).

Грабеж, даже без применения насилия и угроз, отличается от кражи большей дерзостью, когда виновный понимает, что его преступные действия по изъятию имущества очевидны для потерпевшего или для окружающих, которые могут оказать ему сопротивление, задержать, позвать на помощь или хотя бы заявить о преступлении, описать приметы преступника и т. п. Тем не менее грабитель заведомо пренебрегает этими опасностями, что и свидетельствует о повышенной опасности преступления, дерзости преступника. Этого нет, когда изъятие совершается в присутствии и с ведома родственников, сожителей, друзей и знакомых преступника, которые не были соучастниками преступления, но в соответствующем благожелательном поведении которых виновный уверен. Это следует иметь в виду при разграничении кражи и грабежа.

3.2. Насильственный грабеж, отграничение от разбоя

Особенности грабежа как открытого похищения имущества рассмотрены выше. Проанализируем признаки квалифицированного грабежа-открытого похищения, соединенного с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего. В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» под таким насилием следует понимать побои, легкие телесные повреждения, не повлекшие кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности, а также иные насильственные действия, связанные с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы. Такими насильственными действиями могут быть удары, сбивание с ног, выкручивание и заламывание рук, связывание потерпевшего и т. п.

Следовательно, самым тяжким последствием для здоровья при грабеже может быть легкое телесное повреждение, не повлекшее кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности. Наступление более серьезного последствия позволяет уже считать насилие, опасным для здоровья или для жизни, и, если оно применялось с целью завладения имуществом, квалифицировать преступление как разбой.

Вместе с тем нередко и обоснованно судебная практика признает содеянное не грабежом, а разбоем, считает насилие опасным для жизни и здоровья, хотя потерпевшему причинены только лишь легкие телесные повреждения, не повлек-

шие кратковременного расстройства здоровья, и даже вообще никаких телесных повреждений не причинено. Насилие, согласно закону, считается опасным для жизни и здоровья, если оно объективно способно было причинить потерпевшему серьезный физический вред. Пленум Верховного Суда РСФСР в уже упомянутом постановлении от 22 марта 1966 г. разъяснил, что именно как разбой следует квалифицировать нападение с целью завладения имуществом, соединенное с насилем, которое причинило потерпевшему легкое телесное повреждение без расстройства здоровья либо вообще не причинило никакого вреда его здоровью, однако в момент применения создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего (п. 6). При этом следует учитывать интенсивность насилия, орудия преступления, куда и чем наносились удары и причины, в силу которых не наступили более тяжкие, но объективно возможные, исходя из характера действий преступников, последствия. Разбоем, а не грабежом, независимо от тяжести наступивших последствий, следует считать нападение с целью завладения имуществом, если при этом применялось оружие или другие опасные предметы, потерпевшего душили, выталкивали из идущего поезда и т. п.

Пример. Зарецкий, Червяков и Челноков по предварительному сговору совершили нападение на Латфулина с целью завладения его имуществом. Зарецкий ударил потерпевшего кулаком в лицо. Челноков ударил его ногой по ногам и свалил на землю, а затем Зарецкий, чтобы окончательно сломить сопротивление, ударил потерпевшего носком ботинка в висок, после чего Червяков снял плащ с потерявшего сознание Латфулина и все трое скрылись. По заключению судебно-медицинской экспертизы Латфулину были причинены легкие телесные повреждения без расстройства здоровья и он, придя в сознание, самостоятельно дошел до поликлиники. Однако Президиум Верховного Суда РСФСР, подчеркнув, что нанесение удара носком ботинка в висок, несомненно, представляло реальную опасность для жизни и здоровья потерпевшего, признал правильным осуждение преступников за разбой (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1971, № 7, с. 11).

Не является грабежом, соединенным с насилем, не опасным для жизни и здоровья, так называемый «рывок», когда виновный внезапно выхватывает у потерпевшего вещь, возможно причиняя при этом ему какую-либо боль. В таком случае нет насилия, направленного на преодоление сопротивления потерпевшего или на предупреждение его возможного

сопротивления. Причиненные болевые ощущения — лишь побочное последствие открытого завладения имуществом путем «рывка», к тому же не всегда охватываемое умыслом виновного.

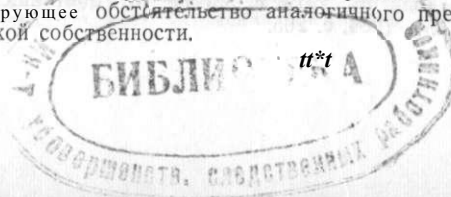
В уголовных кодексах восьми союзных республик (УССР, БССР, Каз. ССР, Азерб. ССР, Лат. ССР, Лит. ССР, Таджик. ССР, Молд. ССР) к квалифицированным видам грабежа с целью завладения личным имуществом отнесен и грабеж, соединенный с угрозой применения насилия, не опасного для жизни и здоровья. В литературе высказано мнение, что насильственный грабеж охватывает также случаи открытого завладения имуществом с применением психического насилия — т. е. угроз насилием, не опасным для жизни и здоровья, — и по законодательству тех союзных республик, где об этом в законе прямо не указывается.¹ Однако с этим мнением вряд ли можно согласиться.

В диспозиции нормы о разбое указано, что это преступление совершается с насилием или с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья. Если бы понятие «насилия», использованное законодателем, охватывало не только физическое, но и психическое насилие, то не было бы необходимости в законе, наряду с насилием, называть еще и угрозу применения насилия. Поскольку же в ч. 2 ст. 145 УК РСФСР, как и в УК ряда других союзных республик, угроза насилием не названа, то систематическое толкование закона позволяет утверждать, что открытое похищение с использованием угроз применить насилие, не опасное для жизни и здоровья, является по УК этих республик грабежом без отягчающих обстоятельств.² Такова и позиция судебной практики (см.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1971, № 5, с. 9).

Вообще угроза насилием, не опасным для жизни и здоровья, может состоять в запугивании потерпевшего побоями, нанесением удара, связыванием и другими подобными действиями. Используется она преступниками довольно редко, так как желая запугать потерпевшего и тем самым завладеть его имуществом, преступник обычно угрожает весьма интен-

¹ См., например, Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1984, изд. 2-е, с. 203.

² Отметим, также, что УК Узб. ССР, Туркм. ССР, Кирг. ССР, Груз. ССР, Арм. ССР, не считая угрозу насилием квалифицирующим признаком грабежа с целью завладения личным имуществом, одновременно рассматривают ее как квалифицирующее обстоятельство аналогичного преступления против социалистической собственности.

сивным и опасным насилием или же высказывает угрозу неопределенно (угрожает потерпевшему «недоразумениями», утверждает, что ему будет «плохо» и т. п.).

В случаях, когда завладение имуществом было соединено с угрозой насилия, носившей неопределенный характер, органам следствия и суду необходимо дать оценку этой угрозе, решить, каким насилием угрожал преступник. Пленум Верховного Суда РСФСР обязывает при решении этого вопроса учитывать все обстоятельства дела: место и время совершения преступления, число преступников, характер предметов, которыми они угрожали или которые были у них в руках, субъективное восприятие потерпевшим этой угрозы и т. д. Конечно, субъективное восприятие потерпевшим характера угрозы — не решающее обстоятельство, но в данном случае оно не может не учитываться. Такой подход к оценке неопределенной угрозы позволит сделать вывод: угрожал виновный применить к потерпевшему насилие, опасное или не опасное для жизни и здоровья.

3.3. Разбой, ограничение от вымогательства и бандитизма

Разбой определяется законом как нападение с целью завладения личным имуществом граждан, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия.

В юридической литературе высказаны разные мнения по поводу понятия нападения как признака разбоя.¹ Спор, в частности, ведется о том, можно ли считать нападением любые случаи применения насилия к личности, в том числе тайно, коварно, путем отравления, усыпления, приведения в бессознательное состояние с помощью наркотических и других сильнодействующих веществ, которыми причиняется определенный вред здоровью потерпевшего. Представляется более правильной позиция, которая определяет понятие «нападение», исходя из смыслового значения слова «нападение»,

¹ См., например: Кригер Г. Л. Ответственность за разбой. М., 1968, с. 14—20; Андреева Л. А. Совокупность корыстного убийства и разбоя. — Социалистическая законность, 1972, № 7, с. 53; Владимиров В. А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974, с. 62—70; Кардава А. Соотношение умышленного убийства из корыстных побуждений и разбоя. — Советская юстиция, 1976, № 4; Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И. Социалистическая собственность под охраной закона. М., 1979, с. 55—58; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. М., 1984, с. 205.

означающего «быстрое, стремительное действие, предпринятое с целью захвата, нанесения урона, ущерба и т. п.». ¹ При разбое такое действие с целью завладения чужим имуществом соединено с применением или угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья. Заметим еще, что нападение предполагает возможность и осуществления защиты от него.

Такого нападения нет в случае отравления потерпевшего, «угощения» его напитком, содержащим сильнодействующие или наркотические вещества, с целью приведения в бессознательное состояние и последующего похищения его имущества. Поэтому, на наш взгляд, правильной будет квалификация подобных действий как кражи и преступления против личности с учетом фактически причиненных телесных повреждений.

Сторонники признания в этих случаях разбоя фактически отождествляют понятия «нападение» и «насилие», что представляется неверным. Не всякое применение насилия можно считать нападением. В то же время насилие или угроза применения насилия в составе разбоя — лишь один из элементов нападения, включающего в себя и другие действия. ²

Характеристика насилия, опасного для жизни и здоровья, дана ранее. Для состава разбоя не имеет значения место совершения нападения с целью завладения имуществом, было это нападение очевидно для потерпевшего или оказалось для него неожиданным (например, удар из-за угла, в спину, нападение на спящего), кто был потерпевшим: лицо, постороннее преступнику, или близкий, знакомый человек. Подчеркнем, что насилие или угроза насилием при разбое могут применяться не только для завладения имуществом, но и для его удержания (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г.).

Определенную сложность представляет разграничение разбоя, выразившегося в нападении с угрозой применения насилия, и вымогательства, которое определено в законе как требование передачи личного имущества или права на имущество или совершения каких-либо действий имущественного характера под угрозой насилия над личностью потерпевшего или его близких, оглашения о них позорящих сведений или

¹ Словарь русского языка, т. 2, М., 1958, с. 519.

² Более подробно нашу позицию по этому вопросу см.: Волженкин Б. В. Квалификация убийства из корыстных побуждений, связанного с завладением имуществом. — Социалистическая законность, 1983, № 5.

истребления их имущества. Конечно, трудности для разграничения представляют лишь случаи, когда имело место требование передачи личного имущества под угрозой насилия, поскольку такое может быть и при разбое (грабеже), и при вымогательстве.

Угроза насилием и при разбое, и при вымогательстве является реальной (т. е. имеются основания опасаться ее осуществления), однако при разбое она к тому же еще и непосредственная. Иначе говоря, при разбойном нападении преступник угрожает немедленным применением насилия, если его требование о передаче имущества не будет выполнено. При вымогательстве виновный может требовать передачи имущества немедленно или в будущем, но всегда угрожает применить насилие, реализовать угрозу не немедленно, а спустя какое-либо более или менее продолжительное время (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1984, № 1, с. 7). В течение этого времени потерпевший в принципе имеет возможность принять определенные меры по обеспечению своей безопасности.

Другим смежным с разбоем составом преступления является бандитизм, выражающийся в нападениях с целью завладения имуществом. Под бандой обычно понимается устойчивая, вооруженная группа лиц, организовавших с целью нападения на государственные, общественные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц. Поэтому вопрос о разграничении разбоя и бандитизма возникает лишь в случае совершения группового вооруженного нападения с целью завладения имуществом или при создании такой вооруженной группы.

При этом надо помнить, что банда — это именно устойчивая группа, организовавшаяся для совершения, как правило, не одного, а ряда вооруженных нападений, для более или менее длительного занятия преступной деятельностью. Об устойчивости группы может свидетельствовать ее сплоченность, существование в группе определенной дисциплины, авторитетного вожака, наличие тайников для хранения оружия и имущества, добытого преступным путем, конспиративных квартир, продуманных источников сбыта похищенного и т. п. Устойчивость вооруженной группы, направленность ее в целом на занятие преступной деятельностью, на совершение ряда нападений с целью завладения имуществом придает действиям по организации такой группы и совершаемым ею нападениям особое качество, позволяет считать это преступ-

ление направленным не только на имущественные отношения, жизнь и здоровье граждан, но и на основы общественного порядка, т. е. бандитизмом.

3.4. Момент окончания преступлений против личной собственности

Особенности объективной стороны каждого из анализируемых видов преступлений против личной собственности граждан обязывают по-разному определить момент их окончания.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» (п. 10) указывается, что «хищение следует считать оконченным, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им распоряжаться по своему усмотрению или пользоваться им».

В последние годы практика распространила это разъяснение и на случаи совершения краж личного имущества граждан

(см. постановления пленумов Верховного Суда Казахской ССР от 27 июня 1980 г., Верховного Суда Азербайджанской ССР от 11 июля 1979 г. с изменениями от 25 марта 1983 г., Верховного Суда Белорусской ССР от 5 июня 1985 г. по делам о кражах личного имущества граждан). Такую же позицию занимает Верховный Суд РСФСР. Так, Еланский и Малышев ночью на автомашине приехали на неорганизованную стоянку автотранспорта. Еланский наблюдал за окружающей обстановкой, а Малышев вскрыл багажник автомашины Зыкова и вынул запасное колесо с диском стоимостью 81 руб., но здесь же преступники были задержаны работниками милиции. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР указала, что поскольку Еланский и Малышев во время кражи колеса были задержаны и по не зависящим от них причинам лишены возможности распорядиться похищенным или воспользоваться им, преступление должно рассматриваться как покушение на кражу личного имущества граждан, совершенное по предварительному сговору группой лиц (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1986, № 2, с. 13).

Представляется, что для признания кражи оконченной вовсе не требуется приобретения вором фактической возможности владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом в полном объеме этих правомочий. Достаточно того, чтобы он стал обладателем этого имущества, что ему больше не

Нужно совершать никаких дополнительных действий для получения в свое обладание вещи и, следовательно, он приобрел хотя бы минимальные возможности по использованию или распоряжению этим имуществом. Поэтому вор, задержанный в квартире, собиравшийся унести оттуда определенные ценности и сложивший их для этого в портфель, виновен лишь в покушении на кражу. Напротив, если он задержан уже после выхода из квартиры, по нашему мнению, преступление окончено. Точно так же вор, схваченный за руку в тот момент, когда он проник в карман или в сумку потерпевшего, отвечает за покушение на кражу, но если ему удалось уже вытащить кошелек и он был схвачен в этот момент, преступление окончено.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. по делам о грабеже и разбое, грабеж признается оконченным преступлением с момента завладения имуществом. Это завладение произойдет не только тогда, когда грабитель скроется с похищенным имуществом, но и на месте совершения преступления, если потерпевший и очевидцы преступления не попытаются оказать грабителю сопротивление, вернуть изъятое им имущество.

В этом же разъяснении подчеркивается, что разбой следует считать оконченным преступлением с момента нападения с целью завладения имуществом, соединенного с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия. Следовательно, момент окончания разбоя с учетом особенностей описания объективной стороны этого преступления в законе перенесен на более раннюю стадию развития преступной деятельности. Юридически преступление уже совершено, окончено, так как произошло нападение с целью завладения имуществом, но фактически преступление может еще продолжаться и включать в себя изъятие имущества, более или менее продолжительное насилие с целью изъятия или удержания имущества и т. д.

3.5. Перерастание кражи в грабеж или разбой

Преступление, начатое как кража — тайное похищение — может перерасти в грабеж или разбой. Естественно, что такое перерастание может произойти лишь в случае, если кража еще не была окончена, т. е. когда преступник или еще не осуществил захват имущества или еще не завладел им, так как

не получил возможность пользоваться или распоряжаться им по своему усмотрению.

В частности, если вор, пытавшийся тайно похитить какую-либо вещь, убеждается, что эти его противоправные действия замечены потерпевшим или окружающими посторонними лицами, но все же продолжает похищение, содеянное становится грабежом (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1984, № 6, с. 6). Напротив, если кража уже была окончена, игнорирование виновным требования граждан остановиться с похищенным после его тайного завладения не служит основанием для квалификации содеянного как грабежа. Так, Криницына, будучи одна в раздевалке больницы, похитила полусапожки, принадлежавшие Новгородской, и, не зная, что за нею следят, вышла на улицу; требование выбежавших за нею работников больницы остановиться игнорировала, побежала, но была задержана. Народный суд осудил Криницыну за грабеж, но президиум областного суда признал содеянное кражей (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1985, № 4, с. 16; см. также Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1986, № 2, с. 6).

В п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» сказано, что «действия виновных, начатые как кража, при применении в дальнейшем насилия с целью завладения имуществом или для его удержания непосредственно после изъятия следует квалифицировать в зависимости от характера примененного насилия как разбой или грабеж, соединенный с насилием».

Решая по конкретному делу вопрос о возможном перерастании кражи в грабеж и ли разбой, нужно, таким образом, обращать внимание на следующие два обстоятельства: 1) когда применялось насилие и 2) с какой целью. Если насилие применялось к потерпевшему, во-первых, во время захвата имущества или непосредственно после захвата, но до окончания кражи, и, во-вторых, с целью захвата имущества или для его удержания, перерастание несомненно. В иных случаях, т. е. когда насилие применяется с другими целями (например, избежать задержания, скрыться) или для удержания имущества, но уже после того, как кража была окончена, никакого перерастания не происходит.

Пример. Аверин украл у пьяного Старчака 25 руб. и скрылся на мотоцикле. Это видел из окна своего дома Смыс-

лов, который решил задержать Аверина. На своем мотоцикле Смыслов за городом догнал Аверина. В момент задержания последний замахнулся ножом на Смыслова, но тот сбил его на землю, отобрал нож и доставил в отдел внутренних дел. Аверин был осужден Кувшиновским районным народным судом Калининской области за разбой, поскольку было сочтено, что кража переросла в разбой, так как он, угрожая ножом, пытался удержать у себя похищенные деньги. Однако президиум областного суда приговор изменил, квалифицировал вмененные Аверину действия как оконченную кражу и угрозу убийством в отношении гражданина, выполняющего общественный долг (ч. 1 ст. 193 УК РСФСР), ибо его действия в отношении Смыслова не являлись средством завладения имуществом или удержания (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1972, № 9, с. 14).

4. СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПОХИЩЕНИЙ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Кража, грабеж и разбой — это корыстные преступления, совершаемые с прямым умыслом на незаконное изъятие и завладение чужим имуществом с целью незаконного обогащения.

Одного факта изъятия и завладения имуществом при отсутствии намерения обратить это имущество в свою собственность, в собственности лиц, близких преступнику, или соучастников похищения недостаточно для признания содеянного кражей, грабежом или разбоем. Поэтому тайное или открытое изъятие чужого имущества, совершенное в виде шутки, из озорства, хулиганских побуждений, мести или по другим некорыстным мотивам и не с целью незаконного обогащения, образует состав другого преступления (например, хулиганство, угон автотранспорта, умышленное уничтожение или повреждение личного имущества) или вообще не является преступлением.

Пример. Милешкин добивался направления на лечение от алкоголизма, но получал отказы. Тогда он решил сделать что-нибудь похожее на преступление, чтобы его направили на принудительное лечение от алкоголизма. Зайдя в сберкассу и увидев, что на столе перед сидевшей женщиной лежит пачка денег, он взял одну десятирублевую купюру, причем

сделал это так, чтобы женщина обратила на это внимание. Пленум Верховного Суда СССР прекратил дело по обвинению Милешкина в грабеже за отсутствием состава преступления, подчеркнув, что ответственность за грабеж наступает лишь при установлении умысла на завладение чужим имуществом (см. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1972, № 5, с. 27).

Отметим еще, что субъективная сторона похищений личного имущества граждан включает в себя и осознание противоправности, незаконности этих действий, отсутствия права на завладение имуществом. Это следует иметь в виду при отграничении краж, грабежей и разбоев от самоуправства, когда виновный имеет право на имущество или, во всяком случае, полагает, что имеет, и нарушает только установленный порядок осуществления этого права. Так, именно самоуправством следует признавать случаи самовольного завладения своим имуществом, незаконно удерживаемым другим лицом, завладение чужим имуществом в порядке компенсации невозвращаемого долга, изъятие имущества для возмещения материального ущерба, причиненного действиями другого лица, и тому подобные действия (см. постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Майоровых, — Социалистическая законность, 1985, № 2, с. 76). Причинение при таком самоуправном завладении телесных повреждений должно квалифицироваться как преступление против личности. Самоуправством следует считать и действия по осуществлению действительных или предполагаемых прав других лиц в их интересах.

Особую сложность для квалификации представляют ситуации, когда преступник применял насилие не с целью завладения имуществом, а, например, совершал преступление против личности, изнасилование, хулиганство, и лишь затем похитил имущество потерпевшего. Здесь надо иметь в виду, что при насильственном грабеже и разбойном нападении насилие применяется к потерпевшему именно с целью завладения имуществом или удержания его, а не для чего-либо другого.

В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР по делам о грабеже и разбое в связи с этим указывается, что «в тех случаях, когда изъятие имущества совершено при хулиганстве, изнасиловании или при других преступных действиях, необходимо установить, с какой целью виновный изъятии это имущество. Если виновный преследовал корыстную цель, его действия в зависимости от способа завладения имуще-

ВОМ должны квалифицироваться по совокупности как соответствующее преступление против социалистической или личной собственности и хулиганство, изнасилование или иное преступление» (п. 12 постановления от 22 марта 1966 г.).

Интересный **пример**. Пущин подошел к нетрезвым Черезову, Холмогорову и Баталову и попросил у них закурить. Получив отказ, он продолжал свой путь по улице. Черезов и Холмогоров догнали Пущина и стали его избивать, нанося удары по лицу, голове и другим частям тела. Затем к ним подбежал Баталов и тоже принял участие в избиении. Упавшего Пущина они били ногами. Затем Холмогоров сорвал с руки потерпевшего часы, а Черезов — шапку и кожаные перчатки. Конкретные обстоятельства дела свидетельствуют, что нападение на потерпевшего и его избиение были совершены не с целью завладения имуществом, а из хулиганских побуждений, и только потом возник умысел на похищение вещей. Поэтому осуждение преступников за разбой было признано неправильным и их действия переквалифицированы по статьям о злом хулиганстве и грабеже. (См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1974, № 12, с. 11, см. также: Социалистическая законность, 1981, № 3, с. 78).

Таким образом, если умысел преступника был первоначально направлен на совершение преступления против личности, изнасилование, хулиганство и примененное им насилие, опасное для жизни и здоровья, преследовало именно эти цели, а не цель завладения имуществом, которая возникла уже после примененного насилия и была реализована, содеянное нельзя считать разбоем, даже в том случае, когда преступник воспользовался объективным последствием этого насилия (потерпевший запуган, тяжело ранен, без сознания и т. п.). Здесь налицо реальная совокупность преступлений: преступление против личности, изнасилование, хулиганство и соответствующее тайное или открытое похищение имущества (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1985, № 5, с. 15).

Иногда требование передачи какого-либо имущества (например, 20 коп.) является по-существу лишь поиском предлога для совершения хулиганства. И если виновный, получив отказ, избивает потерпевшего, то содеянное должно квалифицироваться не как разбой или покушение на грабеж, а как хулиганство (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, № 8, с. 6; Социалистическая законность, 1985, № 4, с. 77).

5. НЕКОТОРЫЕ КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

5.1. Совершение преступления по предварительному сговору группой лиц

Данное обстоятельство является квалифицирующим для всех составов похищений личного имущества граждан. Применительно к хищению социалистического имущества Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что «под хищением, совершаемым по предварительному сговору группой лиц, следует понимать такое хищение, в котором участвовали двое или более лиц, заранее договорившихся о совместном его совершении (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества»).

Такое толкование вполне применимо и к случаям краж, грабежей и разбоев с целью завладения личным имуществом граждан и используется на практике (см. постановление Пленума Верховного Суда Казахской ССР от 27 июня 1980 г. «О судебной практике по делам о краже личного имущества граждан»).

Следовательно, для привлечения и ответственности за преступление с данным квалифицирующим признаком должно быть доказано: 1) преступление совершено не просто в соучастии, а именно группой лиц; 2) эта группа действовала не просто по сговору, а именно по предварительному сговору. Разберем несколько подробнее эти понятия.

Не всякое соучастие в преступлении, т. е. совместное умышленное участие в нем двух или более лиц, делает преступление групповым. Как известно, различаются две основные формы соучастия: простое соучастие или соисполнительство и сложное соучастие или соучастие в узком смысле слова. В последнем случае, наряду с исполнителем преступления, его совершению способствовали лица, в нем непосредственно не участвовавшие, т. е. не выполнявшие (хотя бы частично) действий, составляющих объективную сторону соответствующего преступления. Здесь будет не групповое преступление, а преступление, совершенное одним при соучастии другого. Поэтому действий соучастника (пособника, подстрекателя или организатора) квалифицируются с обязательной ссылкой на ст. 17 УК (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1968, № 6, с. 14).

Совершенно правильно разъяснил Пленум Верховного Суда БССР, что «под похищением, совершенным группой лиц, следует понимать совершение кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, в котором принимали участие двое или более лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления и принявших участие в его осуществлении в качестве непосредственных исполнителей. Действия других лиц, способствовавших совершению преступления, не являвшихся непосредственными исполнителями, квалифицируются по ст. 17 УК БССР (со ссылкой на соответствующую часть) и той статье УК, которая предусматривает содеянное исполнителем» (п.6 «г» постановления от 5 июня 1985 г. «О судебной практике по делам о похищениях личного имущества граждан»).

Таким образом, преступление следует считать совершенным группой лиц, если имело место соисполнительство, совместное совершение этими лицами действий, составляющих объективную сторону соответствующего преступления. Соисполнители — это лица, непосредственно совершающие преступление, т. е. полностью или хотя бы частично выполняющие его объективную сторону. Между соисполнителями также может быть известное распределение ролей, и хотя их действия в этом случае различны, но это распределение ролей именно по исполнению преступления. Поэтому соисполнителями, например, грабежа и разбоя будут все те преступники, которые так или иначе участвовали в нападении на потерпевшего с целью завладения имуществом, применяя насилие или угрожая применить насилие (били потерпевшего, высказывали угрозы, демонстрировали оружие, обыскивали потерпевшего, отбирали у него ценности в то время, как их соучастники применяли насилие или угрожали потерпевшему и т. д. Точно так же соисполнителями квартирной кражи с проникновением в жилище будут и тот преступник, кто выносил вещи из квартиры, и тот, кто открыл дверь отмычкой, и тот, кто оставался на лестничной площадке, обеспечивая безопасность соучастников. Все они так или иначе выполняли объективную сторону тайного похищения чужого имущества. Способ совершения — важный элемент объективной стороны преступления. Поэтому действия преступников, непосредственно на месте обеспечивающих соответствующий способ изъятия, входят в объективную сторону составов преступлений против личной собственности граждан. «В группе карманных воров, — правильно отмечает Г. Борзенков, — функции некоторых со-

участников преступления сводятся исключительно к обеспечению тайного изъятия (отвлечение внимания жертвы, прикрытие от посторонних глаз действий соучастников, создание давки и т. д.). . . . С этой точки зрения действия участника квартирной кражи или хищения с проникновением в помещение, который во время совершения стоит на страже, вполне вписываются в объективную сторону группового хищения. Он обеспечивает своему соучастнику возможность тайного изъятия имущества, наблюдая, чтобы тот не был застигнут при совершении преступления». ¹ Такова и судебная практика (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1985, № 7, с. 12; 1986, № 2, с. 13).

Другим обязательным элементом анализируемого квалифицирующего признака является предварительный сговор группы лиц. ² Весьма распространенной ошибкой является то, что, доказав групповой характер преступления и даже наличие сговора, следователи упускают из вида необходимость установления для данных преступлений именно предварительного сговора. ³ Заметим, кстати, что согласно закону для некоторых составов (например, ч. 3 ст. 117 УК) достаточно просто наличие группы соучастников независимо от времени возникновения сговора.

Предварительным сговор на преступление может считаться тогда, когда его участники договорились заранее, до начала совершения преступления, т. е. до начала совершения действий, составляющих объективную сторону данного преступления. Иначе говоря, предварительным является сговор, состоявшийся на стадии приготовления к преступлению.

Приготовление как стадия развития умышленной преступной деятельности может быть более или менее продолжительным по времени и включать в себя приискание или приспособление средств и орудий преступления, разработку плана и т. п. На этом же этапе должно происходить и подыскание соучастников, создание преступной группы.

Вовсе не обязательно, чтобы предварительный сговор со-

¹ Борзенков Г. Квалификация соучастия в краже с проникновением в помещение, иное хранилище или жилище. — Советская юстиция, 1986, № 6, с. 15.

² В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР по делу Прудникова, Харитонова и Кандидатова указывается: «Кража квалифицируется как совершенная по предварительному сговору группой лиц, если установлен и предварительный сговор, и участие этих лиц в совершении кражи» (Бюллетень Верховного Суда РСФСР 1982, № 5, с. 4).

стоялся задолго до начала преступления. Он может непосредственно ему предшествовать, когда все остальные приговорительные к похищению действия преступник совершил один (см. Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1984, № 1, с. 7). Различны и формы сговора. Важно лишь, чтобы соучастники кражи, грабежа и разбоя до начала преступления поняли намерения друг друга и, хотя бы молчаливо, их одобрили, дав таким образом согласие на совместное участие в преступлении.

Если же субъект без договоренности с другим уже начал преступление, а другой лишь присоединяется к нему, то преступление, хотя и получается в итоге групповым, но совершается не по предварительному сговору.

Встречаются случаи, когда преступник, начавший преступление, например, кражу в одиночку, убедившись в невозможности его совершения, подыскивает соучастника и доводит преступление совместно с ним до конца. В такой ситуации правомерно говорить о преступлении, совершенном по предварительному сговору группой лиц. Здесь виновный как бы вынужден отказаться от первоначального намерения, и, готовясь к новой попытке, подыскивает соучастника до начала этого нового преступления.

При квалификации групповых краж, грабежей и разбоев нередко встает вопрос о возможном эксцессе исполнителя со стороны отдельных соучастников. Эксцесс исполнителя происходит, когда кто-либо из соучастников выходит за пределы общего сговора, совершает действия, которые умыслом других соучастников не охватывались (например, при общем умысле на тайное похищение один из соучастников применяет к потерпевшему насилие).

Ссылка на эксцесс исполнителя — одна из типичных версий защиты, когда не все участники разбойного нападения непосредственно применяли к потерпевшему насилие, опасное для жизни и здоровья, или угрожали ему оружием. Оценивая эту версию, необходимо обратить внимание на степень сплоченности группы, характер предыдущих преступлений, осведомленность о наличии оружия, поведение соучастников в тот момент, когда один из них якобы допускает эксцесс, и другие обстоятельства. Следует также иметь в виду, что преступники, которые готовятся к грабежу, должны осознавать возможность активного сопротивления потерпевшего и в связи с этим возможность применения к нему более интенсивного насилия с целью завладения имуществом.

5.2. Кража, грабеж и разбой, совершенные с проникновением в жилище

В качестве квалифицирующего обстоятельства при привлечении к ответственности за кражу, грабеж или разбой «проникновение в жилище» стало рассматриваться сравнительно недавно.¹ Применение этих правовых понятий вызывает на практике определенные трудности, что побудило Пленум Верховного Суда СССР дать специальные разъяснения понятий «проникновение» и «жилище».²

Согласно данным разъяснениям, жилище — это предназначенное для постоянного или временного проживания людей помещение, в котором находится имеющееся у них имущество или часть его (п. 14 постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г.). Таким образом, это определение исходит из социального назначения, функционального использования помещения. «Жилище» не отождествляется с понятием «жилого помещения» по жилищному законодательству, поскольку первое — более широкое понятие, чем второе. Но в то же время, с учетом функционального назначения к нему нельзя относить любое место временного обитания людей, не предназначенное для проживания, например, купе поезда, каюту теплохода,³ кабину грузовика, салон легкового автомобиля, больничную палату, шалаш, сеновал и другие подобные места, где люди остановились на ночлег, для принятия пищи и т. д.⁴

Судебная практика обоснованно признает «жилищем» не только индивидуальный дом, отдельную квартиру и комнату в коммунальной квартире, где граждане проживают постоян-

¹ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г. (Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1982, № 49, ст. 1821).

² См.: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. «„О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1982 г.“ О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства» и от 15 октября 1982 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР». (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1984, № 3).

³ См.: Некоторые вопросы практики применения судами законодательства по делам об ответственности за кражи личного имущества граждан. — Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1986, № 2, с. 14. В то же время, если каюта теплохода являлась жилищем для членов команды, совершение оттуда кражи квалифицируется по ч. 3 ст. 144 УК РСФСР, если, конечно, было «проникновение» — там же.

⁴ См.: Гальперин И. Кража с проникновением в жилище, — Социалистическая законность, 1983, № 11, с. 43.

но, но и дачу, садовый домик, комнату в общежитии, номер в гостинице, летнюю кухню, приспособленную и используемую для жилья. Есть основания считать жилищем и помещения, специально приспособленные хотя бы для временного проживания людей, например, оборудованные для жилья железнодорожный вагон, автофургон, автоприцеп, жилую палатку и т. д. В обзоре судебной практики, опубликованном Верховным Судом РСФСР, подчеркивается, что действия лиц, совершающих кражи личного имущества у граждан на строительстве железных дорог, ЛЭП, в геологических и изыскательских партиях, во время охотничьих промыслов, проживающих в вагончиках, сборных домах, палатках и других помещениях, в которых находится их имущество и которые служат для граждан временным жильем, следует квалифицировать как кражи с проникновением в жилище.¹ В практике ленинградских судов встречались случаи совершения краж из мастерских художников, которые признавались жилищем, поскольку использовались для временного проживания и в них хранилась часть имущества потерпевших.

В названном постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. указывается далее, что «понятием «жилище» также охватываются составные части жилища (единого помещения), в котором люди временно могут не находиться или непосредственно не проживать». К таковым, в частности, относятся кухни, прихожие, сени, кладовые, коридоры (в том числе и в коммунальной квартире), балконы, лоджии, веранды, чердаки и подвалы индивидуальных домов. Здесь речь идет именно о составных частях единого помещения — жилища, а не просто о помещениях, примыкающих к жилому помещению. Так, следственными органами были ошибочно квалифицированы как кража с проникновением в жилище действия Гераськина, который похитил у потерпевшего Д. пару кроликов из крольчатника, примыкающего к стене дома. Народный суд, исключив данный квалифицирующий признак, указал в приговоре, что клетки с кроликами стояли во дворе, а не в жилом помещении.²

Развивая приведенное выше положение, Пленум Верховного Суда СССР подчеркнул, что «В понятие «жилище» не могут включаться не используемые для проживания людей на-

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1986, № 2, с. 14.

² См.: Борзеев Г. Н. Проникновение в жилище как квалифицирующий признак кражи, грабежа и разбоя. — Вестник МГУ, 1984, № 6, с. 15.

дворные постройки, погреба, амбары, гаражи и другие помещения, обособленные от жилых построек». Эти помещения предназначены не для проживания людей, а служат лишь местом хранения различных вещей или выполнения тех или иных работ. Точно так же нельзя считать жилищем подвалы и чердаки многоэтажных домов. Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР в определении по делу Трофимова и Бычихина, проникших ночью в подвальное помещение многоэтажного дома и совершивших оттуда кражу картофеля и других продуктов, принадлежащих Кончаеву, указала, что согласно ст. 4 Основ жилищного законодательства в жилищный фонд не входят нежилые помещения в жилых домах, предназначенные для торговых, бытовых и иных нужд промышленного характера. Подвал многоэтажного дома с жилыми помещениями непосредственно не связан и имеет самостоятельный вход, и поэтому не может рассматриваться как жилище или как часть жилого помещения (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1984, № 4, с. 12).

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. дано разъяснение также и понятию «проникновение» — «это тайное или открытое вторжение в помещение, иное хранилище или жилище с целью совершения кражи, грабежа или разбоя. Оно может совершаться как с преодолением препятствий или сопротивления людей, так и без этого. «Проникновение» может быть осуществлено также с помощью приспособлений, когда виновный извлекает похищаемые предметы без входа в соответствующее помещение».

Таким образом, способы проникновения в жилище различны. Оно может быть тайным, в отсутствие потерпевшего и окружающих посторонних лиц, и открытым, с применением насилия или без такового. При проникновении в жилище могут преодолеваются сопротивление людей, взламываться двери, открываться замки и другие запоры, выставляться оконные рамы и т. д., однако все это не является обязательным. Проникновение может быть осуществлено и через открытое окно, и путем свободного входа в незакрытое жилое помещение. Однако поскольку всякое проникновение — это «вторжение», то, как правильно было подчеркнуто в ответах на вопросы, данных Судебной коллегией по уголовным делам и отделом обобщений судебной практики Верховного Суда СССР, оно должно совершаться виновным противоправно (недозволенно), помимо воли граждан, проживающих либо

В силу иных обстоятельств законно находящихся (или в данное время — отсутствующих) в жилище.¹

Цель завладения имуществом должна предшествовать проникновению и определять действия преступника. Поэтому, когда лицо зашло в жилище с иными намерениями (например, в гости, для ремонта или уборки квартиры, ухода за больными и т. п.), а затем под влиянием каких-то факторов решило завладеть чужим имуществом, его действия не могут рассматриваться как совершенные с «проникновением».

Судебная практика признает проникновением и вход в жилище путем обмана,² когда соответствующие лица разрешают войти в дом (квартиру, комнату) преступнику, действующему под видом работника различных коммунальных и бытовых служб (сантехника, электромонтера и т. д.), почтовых и медицинских работников, служащих государственных учреждений и т. п. На первый взгляд, здесь нет недозволенности (противоправности), характерной для вторжения как признака правового понятия «проникновение». Однако, поскольку потерпевший обманут в законности (правомерности) оснований появления этого человека в его жилище, то, следовательно, юридически согласие хозяина отсутствует и подобные действия нужно считать проникновением в жилище.

Иначе, на наш взгляд, должны разрешаться случаи, когда преступник похищает имущество из жилища, оказавшись там не путем обмана, а злоупотребив доверием потерпевшего. Так, Сапарбаева, познакомившись с Гюлушевым, пригласила его к себе. Утром она ушла на работу, оставив Гюлушева в комнате, откуда он украл вещи потерпевшей на 1060 руб. Народный суд, сославшись, что доказательств, свидетельствующих о противоправном проникновении Гюлушева в комнату Сапарбаевой, не имеется, не согласился с оценкой его действий как кражи с проникновением в жилище.

Это решение, безусловно, правильное, но вопрос о квалификации осложняется в случаях, когда установлено, что умысел на завладение имуществом возникал у преступников уже в тот момент, когда они были приглашены потерпевшими в их квартиру в гости, для ремонта или иных целей, и тем более, когда они специально завязывали знакомство с потерпевшими, имея в виду таким образом попасть в их жилища с целью совершения кражи. Такое же злоупотребление доверием есть и в случаях совершения кражи лицами, которым

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1983, № 5, с. 34.

² См.: там же.

потерпевший передал ключи, разрешив посещать жилище по их усмотрению и в его отсутствие.

Думается, что во всех этих ситуациях признаков проникновения в жилище нет. В отличие от проникновения путем обмана здесь имеется законное основание для появления в жилище: приглашение хозяина, выполнение соответствующих работ и т. п.

Вопрос о наличии признака «проникновение» возникает и по делам, когда виновные, пользуясь свободным доступом, совершили кражи у соседей по коммунальной квартире или из комнат соседей по общежитию. Как уже указывалось, в этих случаях для квалификации содеянного как кражи с проникновением в жилище соседа недозволенно и именно ступник оказался в комнате соседа недозволенно и именно с целью совершения там кражи.

Пленум Верховного Суда СССР разъяснил также, что проникновение может быть осуществлено и без входа в соответствующее помещение, когда виновный извлекает похищаемые вещи с помощью различных приспособлений. Таковыми могут быть крюки, магниты, шланги, палки и другие подобные предметы.

Решающим для разграничения кражи, грабежа и разбоя является не способ проникновения, а способ завладения имуществом. Поэтому преступник, тайно проникший в жилище и будучи там застигнутым с целью завладения имуществом, применивший насилие, виновен в зависимости от характера применяемого насилия в грабеже или разбое. В то же время применение насилия для вторжения в жилище уже определяет квалификацию преступления как грабеж (покушение на грабеж) или разбой.

При совершении краж и грабежей с проникновением в жилище нередко одновременно имеются квалифицирующие признаки, предусмотренные различными частями ст.ст. 144 и 145 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик. Например, кража с проникновением в жилище совершена повторно группой лиц по предварительному сговору и причинила потерпевшему значительный ущерб. В этом случае нет совокупности преступлений и действия виновного следует квалифицировать лишь по ч. 3 ст. 144 УК РСФСР. Однако в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, в обвинительном заключении, а затем и в приговоре суда должны быть указаны все квалифицирующие признаки деяния (см. п. 16 постановления Пленума Верхов-

ного Суда СССР от 26 апреля 1984 г.). Если к тому же это преступление было совершено особо опасным рецидивистом, то оно должно быть квалифицировано лишь по ч. 4 ст. 144 УК РСФСР.

В случаях совершения виновным даже однородных преступлений, но каждое из которых имеет разные квалифицирующие признаки или одно из них было оконченным, а другое приготовлением или покушением, а также если в одном преступлении виновный был исполнителем, а в другом организатором, подстрекателем или пособником, необходима квалификация по совокупности преступлений.¹

5.3. Причинение значительного ущерба потерпевшему при краже и грабеже

Ни в законе, ни в каких-либо руководящих разъяснениях не назван размер ущерба, который следует считать значительным. В постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. с дополнениями от 23 декабря 1970 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» сказано лишь, что «вопрос о наличии в действиях виновного состава грабежа, причинившего значительный ущерб потерпевшему (ч. 2 ст. 145 УК РСФСР), следует решать в зависимости от конкретных обстоятельств дела с учетом стоимости и количества похищенного имущества, материального положения потерпевшего и т. п.» (п. 13-а). Пленум Верховного Суда Казахской ССР предлагает кроме этого учитывать, насколько необходимым для потерпевшего было похищенное имущество в конкретных условиях места и времени (п. 3 «г» постановления от 27 июня 1980 г. «О судебной практике по делам о краже личного имущества граждан»)². Таким образом, «значительный ущерб» — это оценочное понятие, подлежащее обоснованию и доказыванию в каждом конкретном случае.

¹ См. п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1981 г. «О практике назначения наказания при совершении нескольких преступлений и по нескольким приговорам». — Бюллетень Верховного Суда СССР, 1981, № 5.

² Аналогичные по существу указания содержатся в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Азерб. ССР от 11 июля 1979 г. «О судебной практике по делам о краже личного имущества граждан» (Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Азербайджанской ССР 1961—1983, Баку, 1985, с. 177) и в п. 6-б постановления Пленума Верховного Суда БССР от 5 июня 1985 г. «О судебной практике по делам о похищениях личного имущества граждан».

В юридической литературе были попытки определить минимальную сумму, применительно к которой причиненный потерпевшему ущерб во всех случаях можно было бы считать значительным. Такой суммой обычно называлось 100 рублей.¹ Однако судебная практика на эту сумму не ориентируется.

Оглы был осужден за кражу, причинившую значительный ущерб потерпевшему. Из сарая Стрелкова он украл 24 куры стоимостью 4 руб. каждая и две бензопилы «Дружба». Одна стоила 32 руб., вторая — 49 руб. Общая сумма похищенного составляла 177 руб. По протесту заместителя Председателя Верховного Суда РСФСР действия Оглы были переквалифицированы на ч. 1 ст. 144 УК. Было подчеркнуто, что для признания значительности имущественного ущерба, причиненного кражей потерпевшему, необходимо установить, что стоимость похищенного относительно велика и что преступник признавал причинение потерпевшему своими действиями такого ущерба (см. Бюлетень Верховного Суда РСФСР, 1974, № 8, с. 14). По другим опубликованным делам Верховный Суд РСФСР не признавал причиненный ущерб значительным в случаях похищения полупальто стоимостью 100 руб. (Бюлетень Верховного Суда РСФСР, 1968 г., № 3, с. 8), кражи транзисторного приемника «Океан» стоимостью 145 руб. (Бюлетень Верховного Суда РСФСР, 1978, № 3, с. 12), джинсовых брюк, приобретенных потерпевшей за 250 руб. (Бюлетень Верховного Суда РСФСР, 1981, № 7, с. 8), мохерового шарфа, купленного на рынке за 165 руб. (Бюлетень Верховного Суда РСФСР, 1984, № 6, с. 7), денег в сумме 125 руб. (Бюлетень Верховного Суда РСФСР, 1985, № 1, с. 8), пальто стоимостью 150 руб. (Бюлетень Верховного Суда РСФСР, 1986, № 2, с. 15), ондатровой шапки стоимостью 130 руб. (там же).

Интересно рассуждает президиум Московского городского суда по делу Скребенко, который украл у потерпевшей Радомирской кошелек с 39 руб. из кармана пальто. Народный суд посчитал причиненный Радомирской ущерб значительным,

¹ См., например, Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР, 1971, с. 313; Владимиров В. А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974, с. 184. Сухарев Е., Мальцев В. полагают, что с учетом сложившейся судебной практики денежную сумму в размере 400 руб. можно считать примерным ориентиром установления значительности ущерба при краже или грабеже личного имущества граждан (Сухарев Е., Мальцев В. Определение размера ущерба при квалификации преступлений против личной собственности граждан. — Советская юстиция, 1984, № 24, с. 4).

поскольку она пенсионерка и получает ежемесячную пенсию в размере 57 рублей. Рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного Суда РСФСР, президиум Мосгорсуда признал этот вывод ошибочным. Кража у потерпевшей личного имущества стоимостью 39 руб. не может быть признана причинившей ей значительный ущерб. Похищенные деньги были возвращены в тот же день. Радомирская проживает совместно с достаточно материально обеспеченными родственниками и ведет с ними общее хозяйство (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1985, № 1, с. 8).

По делу Перевозного, похитившего у Ореховой золотую цепочку стоимостью 190 руб., судебная коллегия Верховного Суда РСФСР указала, что, хотя средний заработок потерпевшей составляет 140 руб., это обстоятельство не может служить достаточным основанием для признания ущерба на сумму 190 руб. значительным. «По смыслу закона значительный ущерб предполагает такие последствия, которые существенно влияют на материальное положение потерпевшего в целом» (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1985, № 5, с. 5).

Еще один пример. Кирсанов вырвал у Шилаевой из рук сумочку стоимостью 21 руб. с находившимися там предметами женского туалета и косметики, причинив ущерб на сумму 109 руб. Суд, признавая Кирсанова виновным в грабеже с причинением значительного ущерба, сослался на то, что потерпевшая получает месячную зарплату в размере 125 руб. и на ее иждивении находится престарелая мать. Сама Шилаева заявила, что считает причиненный ей ущерб существенным. Однако судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР не согласилась с такой оценкой, указав: «Материальное положение потерпевшего и его субъективное отношение к размеру ущерба не могут быть решающими при оценке того, значителен ущерб или нет, и должны учитываться в совокупности с другими данными. При этом необходимо исходить прежде всего из реального, фактического размера причиненного материального вреда» (Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1986, № 2, с. 7). Думается, что, давая оценку причиненному ущербу, судебная коллегия учла и характер похищенного имущества. Напротив, кража на вокзале у солдата чемодана с вещами на сумму 177 руб. признана причинившей значительный ущерб (там же, с. 6).

Представляется, что в общем плане «значительный ущерб» для потерпевшего может быть определен как «мате-

риальный ущерб, причиненный похищением всего имущества или наиболее ценных вещей, или значительной части имущества относительно большой стоимости, а также имущества хотя и небольшой стоимости, но потеря которого влечет для потерпевшего существенные материальные затруднения».¹

В последнем случае, когда похищение имущества сравнительно небольшой стоимости повлекло для конкретного потерпевшего существенные материальные затруднения, для вменения данного квалифицирующего признака необходимо доказать осведомленность об этом преступников. В то же время нельзя забывать, что во многих случаях совершения краж (особенно карманных), а иногда и грабежей умысел преступника в отношении размера хищения неконкретизирован. Чем больше ценностей окажется в кошельке или сумке потерпевшего, тем для преступника лучше. Иначе говоря, совершая грабеж или кражу с неконкретизированным умыслом относительно стоимости похищенного, виновный допускает и причинение значительного ущерба потерпевшему.

Если преступник в результате совершения одного или ряда преступлений завладел имуществом нескольких лиц, вопрос о наличии в его действиях квалифицирующего признака — причинение значительного ущерба должен решаться, исходя не из общей стоимости похищенного имущества, а из размера ущерба, причиненного конкретному лицу.

При определении размера ущерба следует, как правило, руководствоваться розничными ценами, существовавшими на момент преступления, учитывая, по возможности, степень износа вещей. Если преступник похитил вещь (например, модную дефицитную одежду), которая была приобретена потерпевшим «с рук», по повышенной цене, ущерб все же, на наш взгляд, должен определяться по розничной цене этой вещи. В случаях, когда предметом посягательства были скот или птица, принадлежащие потерпевшему на праве личной собственности, выращенные или собранные им ягоды, фрукты, овощи и т. п., — стоимость похищенного должна оп-

¹ Монсеенко Г. Значительный ущерб для потерпевшего как квалифицирующий признак похищения **личного** имущества. — Советская юстиция, 1972, № 16, с. 13.

ределяться применительно к рыночным ценам на данный вид продукции.¹

5.4. Применение оружия и других предметов, используемых в качестве оружия, при разбое

Данное обстоятельство является квалифицирующим признаком разбоя с целью завладения личным имуществом граждан по уголовным кодексам РСФСР, Туркм. ССР, Азерб. ССР, Узб. ССР, Эст. ССР.

Под оружием следует понимать предметы, предназначенные исключительно для поражения живой цели и не имеющие иного хозяйственного назначения. Оно может быть огнестрельным, холодным и оружием взрывного действия. Сюда относятся и боевое, и охотничье оружие как фабричного, так и самодельного изготовления.

Другими предметами, применяемыми в качестве оружия, признаются любые предметы, обладающие рядом объективных свойств (тяжелые, острые, колющие, рубящие, дробящие и т. п.), используя которые, преступник может причинить потерпевшему телесные повреждения, опасные для жизни и здоровья (бритва, скальпель, топор, молоток, ломик, дубинка, камень и т. п.). Важно подчеркнуть, что для вменения данного квалифицирующего признака не имеет значения были ли оружие или другие предметы, использованные в качестве оружия, приготовлены преступником заранее или взяты непосредственно на месте и во время совершения преступления (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. в редакции от 23 декабря 1970 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое»).

¹ См.: Сухарев Е., Мальцев В. Определение размера ущерба при квалификации преступлений против личной собственности граждан. — Советская юстиция, 1984, № 24, с. 5.

Пленум Верховного Суда Азерб. ССР в п. 5 постановления от 22 ноября 1982 г. с изменениями от 25 марта 1983 г. «О ходе выполнения постановления Пленума Верховного Суда Азербайджанской ССР от 11 июля 1979 г. «О судебной практике по делам о краже личного имущества граждан» в свете новых дополнений к закону, усиливающих ответственность за данное преступление, указал: «При определении стоимости похищенного имущества необходимо прежде всего исходить из ее денежной оценки по государственным розничным ценам, а в отношении скота — из государственной закупочной цены». — см.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Азербайджанской ССР 1961—1983, Баку, 1985, с. 181.

Особого внимания заслуживает вопрос о квалификации нападений с целью завладения имуществом потерпевшего с применением предметов, имитирующих оружие, и заведомо для виновного негодного оружия. В упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР в связи с этим говорится: «Если виновный угрожал заведомо негодным оружием или имитацией оружия, например, макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т. д., не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни и здоровья, его действия (при отсутствииотягчающих обстоятельств) следует квалифицировать как разбой, предусмотренный ч. 1 ст. 91 или ч. 1 ст. 146 УК РСФСР».

Данное разъяснение возражений не вызывает. Совершая нападение на потерпевшего, преступник с помощью негодного оружия или различных имитирующих оружие предметов выражает угрозу применить насилие, опасное для жизни и здоровья, или подкрепляет с их помощью угрозу, высказанную словесно. При этом он рассчитывает запугать потерпевшего, парализовать его волю к сопротивлению и завладеть таким образом имуществом. В подобной ситуации налицо все элементы оконченного состава разбоя. Однако, поскольку объективно эти предметы виновный использовать как оружие для нанесения опасных для жизни и здоровья телесных повреждений не может, что он сам осознает, квалифицирующий признак разбоя, предусмотренный п. «б» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР, отсутствует. Точно так же следует рассуждать, когда преступник угрожает годным в принципе огнестрельным оружием, патроны к которому у него отсутствуют. Конечно, если это оружие (негодное или без патронов) или его имитация используются просто как тяжелый предмет для нанесения удара, их вполне можно признать «другим предметом, использованным в качестве оружия».

Представляется, что действия виновного лица должны квалифицироваться как разбой и в случае, если потерпевший понял, что в руках у преступника не настоящее оружие, а более или менее удачная его имитация. В данной ситуации уже имело место нападение с целью завладения имуществом, когда преступник с помощью использованного предмета высказал угрозу применить насилие, опасное для жизни и здоровья, рассчитывая, что именно так она и будет воспринята потерпевшим. С этого момента состав разбоя уже окончен. В подобных случаях угроза насилием имела вполне определенный

характер и оценивать ее в зависимости от субъективного восприятия потерпевшего было бы неправильно. Все, что произойдет далее: испугается потерпевший или нет, удастся преступнику завладеть имуществом или нет — для правовой оценки содеянного значения не имеет.

В то же время Пленум Верховного Суда СССР в постановлении по одному из дел правильно подчеркнул, что «нападение с целью завладения имуществом, совершенное с использованием предметов, ошибочно принятых потерпевшим за оружие, может рассматриваться как разбой лишь в случае, если действия виновного были заведомо рассчитаны на восприятие этих предметов как представляющих опасность для жизни и здоровья» (см. Бюллетень Верховного Суда СССР, 1969, № 3, с. 23).

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества», п.п. 10, 12, 26.
2. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1982 г. «О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства» и от 15 октября 1982 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР», п.п. 14, 16.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. с изменениями от 23 декабря 1970 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое».
4. Некоторые вопросы практики применения судами законодательства по делам об ответственности за кражи личного имущества граждан. — Бюллетень Верховного Суда РСФСР, 1986, № 2.
5. Борзенков Г. Квалификация соучастия в краже с проникновением в помещение, иное хранилище или жилище. — Советская юстиция, 1986, № 6.
6. Владимиров В. А. Квалификация похищений личного имущества. М., 1974.
7. Гальперин И. Кража с проникновением в жилище. — Социалистическая законность, 1983, № 11.
8. Кливер И. Разграничение кражи и грабежа в судебной практике. — Советская юстиция, 1978, № 24.
9. Сухарев Е., Мальцев В. Определение размера ущерба при квалификации преступлений против личной собственности граждан. — Советская юстиция, 1984, № 24.

**Борис Владимирович
ВОЛЖЕНКИН,**

канд. юрид. наук, доцент

**ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖ, ГРАБЕЖЕЙ,
И РАЗБОЕВ, СОВЕРШЕННЫХ С ЦЕЛЬЮ
ЗАВЛАДЕНИЯ ЛИЧНЫМ ИМУЩЕСТВОМ ГРАЖДАН**

Конспект лекции

Изд. 2-е переработанное

Редактор Н. П. Татиевская

Корректор Н. Е. Булгакова

Подписано к печати 09.07.86. Печ. л. 2,75. Уч.-изд. л. 2,3.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага писча"я. Печать высокая.
Гарнитура литературная. Тираж 500 экз. Заказ 520с. Цена 33 к.
Редакционно-издательский отдел
Института усовершенствования следственных работников
при Прокуратуре СССР
191104, Ленинград, Литейный пр., 44

Типография им. Урицкого